

УДК 821.161.1.091

А. В. Чоботько

В. Розанов и Н. Гоголь: причины творческого антагонизма
Статья II

У статті розглядається проблема несприйняття Розановим особистості та творчого доробку Гоголя. Аналізується специфіка духовного життя Гоголя, сутність його світогляду, філософські та релігійні уявлення в розумінні Розанова. Це дозволило зробити висновок також і про специфіку розановського світогляду, який значною мірою обумовлювався різними життєвими, культурно-естетичними, суспільно-політичними та іншими обставинами. Мислення Розанова оцінюється як непослідовне, протейчне, взамо-виключаюче, ситуативне. Досліджується розановське розуміння еволюції ставлення Гоголя до язичництва, християнства та іудаїзму.
Ключові слова: Розанов, Гоголь, світогляд, християнство, язичництво, іудаїзм.

В статье рассматривается проблема невосприятия Розановым личности и творческого наследия Гоголя. Анализируется специфика духовной жизни Гоголя, сущность его мировоззрения, философские и религиозные представления в понимании Розанова. Это позволило сделать вывод и о специфике розановского мировоззрения, которое в значительной степени обуславливалось различными жизненными, культурно-эстетическими, социально-политическими и другими обстоятельствами. Мышление Розанова оценивается как непоследовательное, протейное, взаимоисключающее, ситуативное. Исследуется розановское понимание эволюции отношения Гоголя к язычеству, христианству и иудаизму.
Ключевые слова: Розанов, Гоголь, мировоззрение, христианство, язычество, иудаизм.

The problem of non-perception of Gogol's personality and creative heritage by Rozanov is targeted in the article. The specifics of Gogol's spiritual life, the essence of his worldview, philosophical and religious ideas in the understanding of Rozanov are analyzed. This made it possible to draw a conclusion about the specific nature of Rozanov's world view, which, to a large extent, was conditioned by various vital, cultural, aesthetic, socio-political and other circumstances. The thinking of Rozanov is assessed as inconsistent, proteic, mutually exclusive, situational. Rozanov's understanding of the evolution of Gogol's relationship to paganism, Christianity and Judaism is explored.
Key words: Rozanov, Gogol, world view, Christianity, paganism, Judaism.

В предыдущей статье были выделены основные этапы розановского осмысления личности и творческого наследия Гоголя [1]. Но, учитывая только содержательную направленность этих характеристик можно говорить лишь о двух разнокачественных периодах отношения Розанова к автору "Мертвых душ". Эти два периода абсолютно несопоставимы между собой по временной продолжительности. Непосредственным рубежом, отграничившим один период от другого, стала Октябрьская революция 1917 года в Российской империи, что показательно, событие, в первую очередь, общественно-политического, а не эстетико-культурного характера. Розановское отношение к Гоголю, сформировавшееся за несколько десятилетий до этого и постоянно колебавшееся в незначительных, но, что важно, сугубо негативных оценках, претерпело кардинальные содержательные изменения. Резкое неприятие творческого наследия Гоголя, чуть ли не физиологическое отвращение к личности писателя со стороны Розанова, характерное для всего дореволюционного времени (Розанов впервые обратился к творчеству Гоголя в начале 1890-х годов), сменилось признанием его правоты. И для осознания этого как раз и должна была произойти революция, вынесшая Гоголю, в глазах Розанова, оправдательный приговор. Об этом речь идет в работах "Апокалипсис нашего времени", "С вершины тысячелетней пирамиды", "Апокалиптика русской литературы", "Гоголь и Петрарка", а также в послереволюционных письмах писателя.

Розанова все время интересовала специфика духовной жизни Гоголя, истинная сущность его мировоззрения, философские и религиозные представления. В разное время Розанов дает разные ответы на эти вопросы: он видит Гоголя то язычником, поклонником античной культуры, то христианином, то сторонником иудаизма. Разумеется, что в каждом из указанных случаев им приводится, казалось бы, убедительный набор аргументов, призванных доказать высказываемую версию. Но общим в этих размышлениях было то, что религиозные симпатии Гоголя всегда представлялись Розанову непоследовательными, нецелостными, протейными, все время изменявшимися: "Гоголь между язычеством и христианством, не попав ни в одно" [2, с. 192, 203].

Впервые мысль о Гоголе-язычнике, ярком поклоннике античной культуры, испытывающем постоянную тоску по потерянному идеалу, была высказана в статье "Загадки Гоголя..." Эти идеи также получили подтверждение и в послереволюционный период, когда произошло кардинальное изменение розановского отношения к творчеству

Гоголя. Как и в других случаях, Розанов здесь весьма субъективен. Характеризуя гоголевские образы, сюжетные коллизии его произведений, переписку писателя, специфику общения с современниками и др. он выбирает только то, что вписывается в выстраиваемую им в данной ситуации версию. Приводимые именно в этой, конкретной ситуации предположения и доводы в другом месте и в другое время не принимаются во внимание, полностью отбрасываются, поскольку вступают в противоречия с вновь выстраиваемыми гипотезами. В значительной степени именно такой спецификой розановского осмысления творческого наследия Гоголя и других писателей и объясняется тот факт, что абсолютное большинство выдвигаемых им, совершенно оригинальных предположений и гипотез (в основной массе своей не встречавшихся ни до, ни после него) подверглись резкой критике уже со стороны его современников и постоянно отбрасывались как несостоятельные и бездоказательные в дальнейших литературоведческих изысканиях по этому вопросу.

Розанов проводит прямую связь между "Арабесками" и "Мертвыми душами". В "Арабесках" Гоголь пишет о жизни народов древности (Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима), тем самым давая свое понимание общих и отличительных черт рабовладельческих цивилизаций далекого прошлого. В общем и целом мысль его сводится к тому, что в каждой из этих цивилизаций на первый план выдвигались различные стороны общественной жизни, доминировали различные ценностные приоритеты: в Древнем Египте все было подчинено смерти, смерть полностью довлела над всем (свидетельством этого было строительство огромных пирамид), в Древней Греции первостепенной мыслилась красота, все усилия людей были направлены на совершенствование своего тела, на достижение гармонического соответствия между физическим и интеллектуальным развитием (примером тому является расцвет искусства), в Древнем Риме все было подчинено силе и могуществу. "Первоначальные устои" из жизни украинского народа Гоголь, по мысли Розанова, показал "в "Бульбе" и в народных малороссийских рассказах" [3, с. 344], уходящих своими корнями также в дохристианские времена. При сопоставлении этих произведений с "петербургскими повестями", "Мертвыми душами" читатель мог проследить за эволюцией человечества (на примере России), которая в розановской интерпретации представляла собой яркий пример поступательного регресса, деградации и "измельчания" человека.

Для того чтобы показать связь между "Арабесками" и "Мертвыми душами", Розанов приводит целый ряд довольно интересных и

оригинальных аргументов. По его мнению, Гоголь в "Мертвых душах" "изваял фигуры до такой же степени вечные и универсальные..., безупречные, как Аполлоны и Зевсы Фидиев и Праксителей..." [4, с. 338–339]. Образы русских помещиков, Чичикова и другие у Гоголя созданы с такой же силой и художественной убедительностью, что и произведения античных скульпторов, но они кардинально отличаются друг от друга по своей смысловой направленности. Это позволяет проследить за поступательным процессом "измельчания" человека. Воспроизведенные Гоголем в "Арабесках" "исповедания" народов и *resumé* их жизни" [5, с. 343] позволили Розанову прийти к выводу, что именно из этого "колоссального, режущего, оглушающего контраста" [6, с. 343] между разными периодами в жизни человечества и родились "Мертвые души".

Восхищение Гоголя древними политеистическими цивилизациями, как бы противопоставление их жизни зарегулированным нормам жизни в христианской России, позволило Розанову характеризовать его не только как русского, но и как "европейского обличителя" и, более того, "до известной степени – обличителя христианского" [7, с. 658]. И в этом плане Розанов видит аналогии между исторической ролью Франческо Петрарки и исторической ролью Гоголя: "Оба они тяжелым вздохом вздохнули по античному миру. Просто – еще не понимая ничего, а только сравнивая красоту лиц. "За лицом – душа: и неужели были хуже души греков и римлян за вот такими их лицами, неужели души Коробочек и Чичиковых за достаточно хорошо нам известными лицами этих наших современников" [8, с. 659].

Гоголевские образы, представляющиеся Розанову гипертрофированными исполинскими чудовищами, стали возможны лишь в века доминирующей и главенствующей в обществе христианской этики и морали: "Вот что принес на землю Христос, каких Чичиковых, и Собакевичей, и Коробочек. Какое тупоумие и скудодушность. Когда прежде была Аннунциата" [9, с. 658]. Аналогичная мысль повторяется Розановым и в статье того же времени "Апокалиптика русской литературы". Здесь писатель подвергает сомнению религиозно-конфессиональную принадлежность Гоголя к христианству и для подтверждения своих мыслей обращается к схожим доказательствам и аргументам: "Что-то случилось. Что-то слукавилось. Кто-то из "бедной ясли" вышел не тот. И стало воротить "на сторону" лицо человеческое... И показалось всюду РЫЛО. И стал "бедный сын пустыни" описывать Чичиковых. Подхалюзинных. Собакевичей. Плюшкиных. И куда он ни обращался, видел все больше и больше, гуще и гуще

одних этих РЫЛ. И чем больше молился несчастный кому – неизвестно. Тем больше встречал он эти же РЫЛА" [10, с. 675–676]. Обращения к христианскому Богу никоим образом не могли изменить сложившейся ситуации, поскольку чем усерднее и пристрастнее Гоголь молился, "тем больше встречал он эти же РЫЛА" в повседневности, тем явственней и зримей перед ним во всем своей красоте и великолепии представал немеркнувший античный идеал.

Розанов, в конечном счете, приходит к выводу, что Гоголь остро чувствовал разрыв между действительностью и идеалом, который отождествлялся писателем с Древним Египтом, с античными временами то есть с дохристианским миром. Действительность, окружавшая писателя, свидетельствовала о неслыханной деградации человека и человечества, произошедшей в христианские времена.

Вместе с тем Розанов неоднократно говорит о симпатиях Гоголя к католичеству. К таким выводам он приходит, в первую очередь, после анализа жизни Гоголя, а также исходя из содержания некоторых его произведений. Одним из наиболее примечательных факторов, позволивших Розанову конструировать такую гипотезу при подходе к определению конфессиональной принадлежности Гоголя, была ссылка на его многолетнее пребывание в столице Италии Риме – центре католического мира. Рим как центр католичества для одних из наиболее рьяных адептов православия – запорожских казаков (ведь, как подчеркивалось выше, именно с казачеством у Гоголя отождествлялись "извечные первоначальные устои" украинства) – был тем, "чем для киевских старушек "Лысая гора" [11, с. 344]. В письмах же Гоголя он определяется как "настоящая родина души моей" [12, с. 337]. Это "чертово гнездо Европы", "вековая, извечная, начальная родина ксендзовства" [13, с. 337] так привлекала Гоголя, что он посвятил ей несколько лет своей жизни под предлогом невозможности, ввиду состояния собственного здоровья, находиться в России. Для Розанова ссылки со стороны Гоголя на плохое здоровье – всего-навсего мистификация, игра, желание скрыть настоящие причины своего отъезда и многолетнего пребывания в Италии.

Находясь в Италии, центре католического мира, Гоголь писал о России, осмысливавшейся как центр мира православного, все время изображал ее в самых неприглядных красках, постоянно выводя на первый план только негативные, отрицательные стороны из ее жизни. Такой контраст между тем, что окружало Гоголя в католической Италии, и тем, что нашло отражение в "Мертвых душах" – произведении, повествующем о православной России, Розанову видится

как прямое подтверждение трагической раздвоенности писателя. Ведь разительное несоответствие между тем, что он видел, живя в Италии (блеск, красота, гармония, идеал), и тем, что изображал в своих произведениях, когда писал о России (пошлость, мздоимство, тьма, вековые предрассудки) лишь подчеркивало значимость для Гоголя Рима как центра другой цивилизации и культуры. Факт непрямого, скрытого, опосредованного противопоставления двух культур, двух религиозных христианских направлений трактовался Розановым как своеобразное мерило гоголевского отношения к православию и католичеству, хотя он, в конечном счете, и признал, что Гоголь "в католичество не перешел" [14, с. 337].

В другое время Розанов видел в Гоголе скрытого сторонника иудаизма. Но если в других ситуациях он, называя Гоголя то язычником, то католиком, использовал, произвольно трактуя, различные факты из биографии писателя, то в данном случае попытался отождествить с ним образ колдуна из "Страшной мести", названного им иудеем. Чтобы придать весомость и доказательность своим размышлениям, Розанов совершает весьма пространный экскурс в талмудическую, ветхозаветную и новозаветную историю, пытается найти подтверждение своей точки зрения в других священных книгах иудеев и христиан, иллюстрирует ее соответствующими эпизодами из них. Поэтому имя Гоголя, вынесенное в заглавие статьи "Магическая страница у Гоголя", появляется только во второй ее части. Первая же часть этой работы является, своего рода, введением и представляет собой выяснение вопроса о месте кровосмесительного брака у иудеев (Талмуд, Ветхий Завет) и у христиан (Новый Завет). Именно с этих позиций Розановым и проводится принципиальное различие между христианством и иудаизмом. Заключение, к которому пришел Розанов, таково: "Народы, смотревшие без отвращения на половую систему.., видели в родственной любви чудо и желали его, а мы видим в ней грех и избегаем ее" [15, с. 400].

На розановской системе размышлений по этому вопросу стоит остановиться чуть подробнее. Творческий замысел "Страшной мести" Розановым заметно утрируется и упрощается. Он сводится им к попытке Гоголя передать невероятные события, невозможные в действительности украинского средневековья и связанные с действиями inferнальных сил, персонифицированным представителем которых в повести является колдун. Его образ вобрал в себя всю полноту народных представлений о демонических существах. Содержательная сторона повести, как и в ряде других случаев, в

интерпретации Розанова сводится только к описанию пространственных границ действий колдуна, к простому перечислению его поступков: "Суть – Катерина и ее отец, или, точнее и строже – только один отец, "колдун" [16, с. 401]. Сюжет же повести рассматривается Розановым как пересказывание Гоголем библейского эпизода о Лоте и его дочерях. Как раз именно в этом направлении и конструируется им схема размышлений и доводов. Розанов, говоря об автобиографичности образа колдуна, подкрепляет свое мнение доводами, которые кажутся ему убедительными. Одним из таких доводов является ссылка на язык, речь колдуна, которые Розанов называет "частным", "личным" языком Гоголя, применяющимся им только в наиболее сокровенных и интимных произведениях (письма, "Авторская исповедь", записки к Оптинским монахам). Язык колдуна резко отграничивается Розановым от языка других персонажей произведения, получает характеристику "художественной работы", "выдумки". Другим аргументом, призванным засвидетельствовать в пользу розановского тезиса об "автобиографизме" образа колдуна, является указание на "реализм" в описании колдовства.

К разгадке тайны "Страшной мести", по Розанову, ведет единожды упомянутое в тексте произведения слово "жид". Оно представляется писателю ключевым, а "жидовское начало" ассоциируется у Розанова с кровосмешением, выступает в качестве противоположного христианскому. "Сущность кровосмешения" в повести Розанов усмотрел в эпизоде вызывания колдуном души Катерины и в последующем ее появлении.

Хотя, по мнению Розанова, сюжет повести и дублирует библейский сюжет о Лоте и его дочерях, но сам ветхозаветный эпизод Гоголем во время написания этого произведения так ни разу и не упоминается, потому что в таком случае его автор ни под каким предлогом не осуществил бы свой замысел. Если бы Гоголь нашел хоть какие-то незначительные параллели между тематикой своей повести и соответствующим библейским эпизодом он бы полностью изменил сюжет своего произведения. Этот библейский мотив описан Гоголем как бы "изнутри", он как бы вытекает из личного опыта писателя, из пережитого им.

Сны Катерины для Розанова также реальны. Подготовка колдуна к колдовству и сам этот процесс передается Гоголем с невиданной художественной силой, с максимально возможным проникновением в таинства этого действия. Достоверность передачи процесса колдовства, вычленение причин такой достоверности и нахождение их

истоков позволяет Розанову признать наличие у Гоголя некоего "внутреннего ведения" и отсутствие каких-либо видимых, опытных, онтологических причин такого знания. Половые явления уподобляются Розановым явлениям магическим, между ними проводятся линии тождества, уравнительного порядка. Наличие признака пола сразу же устраняет наличие чего-то механического, материального, потому что употребление и соединение этих категорий одновременно для Розанова невозможно, взаимоисключаемо. Замок колдуна, вещи, находящиеся там, наделяются признаками живого, выступают в качестве не орудий и объектов, а являются прямыми участниками колдовства и "кровосмесительных процессов". Замок колдуна – "утроба", где происходит кровосмешение. "Невиданное оружие", находящееся в комнате колдуна, является тем отграничительным элементом, который позволяет отделить это место от христианского мира.

Кровосмешение всегда представлялось Розанову неотъемлемой чертой жизни еврейского народа. У христиан же этот процесс мыслился иррациональным, стоящим вне традиций и религиозных заветов. Поэтому Гоголь, благодаря своему "внутреннему ведению", смог разгадать таинства древневосточных рабовладельческих обществ.

Как видим, особенности розановского мышления довольно явно проявились в вопросе о выяснении религиозно-конфессиональной принадлежности Гоголя. Розанов здесь непоследователен, постоянно противоречит сам себе, утверждает то, что незадолго до этого с таким же упорством отрицал. В этом случае особенно ярко проявилась специфика розановского мышления, его ситуативность, когда в каждой отдельно взятой ситуации (жизненной, литературной, общественно-политической и т. п.) он мог декларировать совершенно разные, прямо противоположные излагавшимся ранее, мысли, идеи, руководствуясь при этом только ему одному известными причинами и мотивами.

Литература

1. Чоботько А. В. В. Розанов и Н. Гоголь: причины творческого антагонизма / А. В. Чоботько // Література та культура Полісся. – 2016. – Вип. 82. Серія "Філологічні науки". – № 6. – С. 38–47.
2. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб 1-й / В. В. Розанов // Розанов В. В. Уединенное. – М. : Республика, 1990. – С. 192.
3. Розанов В. В. Загадки Гоголя... / В. В. Розанов // Розанов В. В. Собр. соч. : о писательстве и писателях. – М. : Республика, 1995. – С. 344.
4. Там же. – С. 338–339.

5. Там же. – С. 343.
6. Там же. – С. 343.
7. Розанов В. В. Гоголь и Петрарка / В. В. Розанов // Розанов В. В. Собр. соч.: о писательстве и писателях. – М. : Республика, 1995. – С. 658.
8. Там же. – С. 659.
9. Там же. – С. 658.
10. Розанов В. В. Апокалиптика русской литературы / В. В. Розанов // Розанов В. В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М. : Республика, 1995. – С. 675–676
11. Розанов В. В. Загадки Гоголя... – С. 344.
12. Там же. – С. 337.
13. Там же. – С. 337.
14. Там же. – С. 337.
15. Розанов В. В. Магическая страница у Гоголя / В. В. Розанов // Розанов В. В. Собр. соч.: О писательстве и писателях. – М. : Республика, 1995. – С. 400.
16. Там же. – С. 401.